

Володимир Вернадський: Життя в Харкові уявлялося в той час мені одним з найкращих, якого можна побажати (з записок академіка)

Загальновідомо, що Харків був містом дитинства Володимира Івановича Вернадського (1863–1945 рр.). Втім, яким губернське місто залишилося в пам'яті видатного мислителя? Потрапив він сюди п'ятирічною дитиною в зв'язку з переїздом сім'ї з Петербурга восени 1868 р. після отримання батьком – економістом і статистиком, професором Іваном Васильовичем Вернадським (1821–1884 рр.) нового місця служби на посаді завідувача контори Державного банку. Тут майбутній академік провів майже 8 років, почав свою гімназійну освіту, закінчив три класи Першої чоловічої гімназії, знайшов друзів. «Жизнь в Харькове, - згадував Володимир Іванович, - представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие можно пожелать» [10, с. 30].

В. І. Вернадський не залишив окремих мемуарів про харківський період свого життя, і хоча мав зв'язки з Харковом ще довгі роки — через друзів, що жили в ньому, учнів, які викладали в місцевих вузах, політичних соратників, та й опонентів, які представляли харківське суспільство — саме дитячі враження і спогади про місто залишилися у Володимира Івановича на все життя і в різні роки впливали і давали поштовх для мислення. Харківські алузії завжди були частиною роздумів Вернадського про пережите і передумане — у щоденниках, листуванні тощо. Багато таких фрагментів вже опубліковано.

Втім, архів академіка дозволяє розширити і поглибити наші знання про ці роки дитинства і ранньої юності знаменитого вченого, повною мірою уявити його «харків'янином».

В Архіві Російської академії наук у Москві (РАН) збереглися записки В. І. Вернадського про харківський будинок — рядки, написані гімназистом 3-го класу в 1875 р. Це фрагмент найраніших записок-спогадів, які відобразили також сімейну поїздку за кордон в 1875 р., короткі замальовки гімназійних канікул 1874 р. в Іванівці, а ще — хутора Березово під Харковом, де почали практикувати використання місцевих мінеральних вод для бальнеологічного лікування.

Подамо цей маловідомий, перш за все, харківським краєзнавцям фрагмент повністю (збережено авторське підкреслення, у кутових дужках < > розкрито скорочення, або подано варіативне прочитання слів, ремарки для розуміння тексту, вказано на зроблені лакуни):

«IV. Описание нашей квартиры и дома в г. Харькове, в котором мы жили с 1868–76 г. (для III класса в 1875)

Дом, в котором я живу, лежит на Вознесенском сквере, к которому он обращен с одной стороны, с другой же стороны он обращен на улицу. Он 3-этажный, но на дворе он кажется четырех, потому что комнаты, выходящие на двор, ниже, выходящих на улицу; он выкрашен белою краскою, с красною крышей и балконом, довольно большим; подъезд выходит на сквер.

Часть дома занимает наша квартира, остальную – банк, в нижнем этаже живут служители банка. Расположение комнат очень странно, они лежат во 2-м, 3 и 4-м этажах и выходят на улицу, на сквер и на двор. Во втором этаже находится кабинет моего отца и комната моего покойного брата <звездный брат Микола Іванович Вернадський (1851–1874 рр.) — С.К.>, куда я ухожу в свободные минуты; оттуда внутренняя лестница ведет через переднюю в столовую, из столовой выходит балкон на двор, с балкона открывается отличный вид на строящийся Технологический институт и на дом Благотворительного общества; налево находится классная комната, которую занимает в настоящее время приезжий дядя; над столовой находятся детские, в которых помещаются мои сестры <молодші сестри-двійняшки Катерина Іванівна (у шлюбі Короленко; 1864–1910 рр.) та Ольга Іванівна (у заміжжі Алексеева; 1864–1920 рр.) — С.К.>. Приемные комнаты находятся на 3-м этаже в связи со столовою, отделенною от них, через мою комнату, несколькими ступенями, в этих же этажах находится спальная моих родителей <матери Ганна Петрівна (уродж. Константинович; 1837–1898 рр.), заміжня за І. В. Вернадським з 1862 р. — С.К.>. Со двора на крышу дома идет лестница, она прикреплена к дому. К дому примыкает двухэтажное здание, в верхнем этаже которого находится кухня, соединяемая холодным коридором с главным зданием; в глубине двора лежит здание, в котором находятся: конюшня, сарай, прачечная, а под ним погреб; с западной стороны двора находится еще одно довольно высокое здание, нижний этаж которого занимают два ледника, в верхнем же, куда со двора устроена лестница, находятся сушильни и устроена галерея. Двор довольно большой, утрамбованный кирпичом, поэтому чистый, во двор ведут ворота и калитка со сквера и ворота с улицы. Двор в незастроенных местах огорожен каменным с железною покрывкою забором, кругом главного здания находится кирпичный тротуар, который ведет к калитке; двор обсажен деревьями (небольшими). За сараями находится маленький садик, в котором есть несколько больших деревьев и устроены кегли и качели. 1875. 8 октября.

Переписал: 11 февраля 1877». Цікаво, що юний Вернадський оформив ці свої тексти під загальним титулом «Мои воспоминания и заметки». Під час переписування в заголовку спочатку зазначив харківські роки як «1868–75», але виправив на «1868–76» [1, спр. 1, арк. 18–19].

Ця дитяча, простенька замальовка, водночас досить фотографічна. Існуючий будинок за адресою майдан Фейербаха, 10 цілком підпадає під цей опис. Будинок Контори Державного банку у колишньому Вознесенському сквері (іноді подається — на Вознесенській площі), як стверджується у довідковій і краєзнавчій літературі, пощадила історія. Проте, фактично бракує згадки про проживання тут родини Вернадських у 1868–1876 рр. Цей будинок «Казначейської палати» початку XIX ст. (останні півстоліття XIX віку – казенна будівля Контори Державного банку) нещодавно ще входив до міського Переліку пам'яток архітектури (охоронний номер 625), а його проєкт часто приписують архітектору П. А. Ярославському. На жаль, ми не маємо документального підтвердження перебудови і реконструкцій будівлі за двовіковий період її використання. Однак, давні (видові листівки тощо) і сучасні фотографії підтверджують зовнішню ідентичність, хіба що залишаються питання кількості поверхів з боку двору, а також балкону, про який згадує Вернадський.

У подальшому спогади В. І. Вернадського про Харків, як нам здається, завжди базувалися на фрагменті в пам'яті з описом рідного вогнища.

У листах до нареченої Наталі Єгорівні Старицької (1860–1943 рр.), в червні 1886 р. 23-річний юнак, розповідаючи історію життя, свого та сім'ї, також згадує місто дитинства: «Жизнь в Харькове, где отец был управляющим конторою Государственного банка, представлялась в то время мне одной из самых лучших жизней, какие можно пожелать. Жили мы хорошо, богато, все наши желания — детей — исполнялись очень скоро и даже слишком <...>. Самыми светлыми минутами представляются мне в то время те книги и мысли, какие ими вызывались, и разговоры с отцом и моим двоюродным дядей Е. М. Короленко <Свграф Максимович Короленко (1810–1880 рр.) — С.К.>, помнится также сильное влияние дружбы с моим старшим братом <...>. Я рано набросился на книги и читал с жадностью все, что попадалось под руку, постоянно роясь и перерывая книги в библиотеке отца <...>. Особенно сильное развивающее влияние на меня в это время имели разговоры со стариком дядей Короленко. Он жил в Петербурге, но очень часто приезжал и подолгу гостил у нас, уже непременно, каждый год. Это был оригинальный и довольно сильный человек. Самолюбивый в высшей степени, остроумный и обидчивый, он в то же время был человеком глубокой доброты. <...> Он был самых либеральных убеждений <...>» [2, с. 30–31]. У листі на початку червня 1886 р. Володимир Іванович також розповідав нареченій про літо в маєтку письменника Г. Ф. Квітки-Основ'яненка в Основі на околиці Харкова, десь 1873 або 1874 року [2, с. 26].

В. І. Вернадський практично все життя вів записи щоденного характеру і в них дуже багато відсилок до минулого, асоціацій і спогадів. Харківські алюзії характерні і для рядків щоденників, особливо у прив'язці до згадуваних осіб. Але більш за все сплесків пам'яті про

харківське дитинство знаходимо серед фрагментів записок з хронологічної канви життя для задуманих в кінці 1930-х років, але не здійснених мемуарів «Пережите і передумане», розкиданих сьогодні по архівних сторінках так званої «Хронології». Записи ці зроблені в різні роки, але в основному відносяться до 1941–42 років, періоду евакуації в Казахстан. Ці рядки дуже часто є реакцією пам'яті Вернадського при прочитанні власних щоденникових записів з минулого, листів кореспондентів, інших документів і матеріалів свого архіву.

У серпні 1924 р., перебуваючи у Франції, рефлексуючи з приводу 10-річчя I-ої світової війни — з десятирічним кроком вглиб історії своєї і сім'ї, Вернадський фіксує у щоденнику: «1874. Еще жив отец. И я его в это время стал больше сознать. Осенью умер брат Коля. Я — маленький гимназист с очень своей, скрытой от всех жизнью.

Смерть Коли при моей нервности — вызвала самозащиту: я старался забыть его и этим не допустить «нервных» проявлений и «потустороннего».

Здесь начало того заглушения во мне отзвуков к чему-то необычному, которое во мне было — во мне, наследственном лунатике.

«Взял ли себя в руки» и жил нормально или же заглушил в себе способность понимать и чувствовать реальное, но не входящее в обыденную жизнь?

Жизнь в Харькове. Помню ярко и наш дом на площади против церкви, и все внутренние комнаты, и большую интенсивную свою жизнь мальчика.

Жив Евграф Максимович Короленко и его открытие мне мира природы» [1, спр. 46, арк. 61 зв.– 62; 68 зв.; опубл.: 4, с. 153, 167].

У тому ж щоденнику (записи 5 і 6 вересня 1924 р.) Володимир Іванович знову згадує харківське життя і «українські тенденції» в родині, підкреслюючи, що батько «в глибоке душі завжди оставался украинцем и резко отделял их от русских; у него и у матери было очень сильно украинское чувство народности — а отец сознавал полное различие укр<аинского> народа». «Из отдельных разговоров, которые мне помнятся, мне кажется, что сейчас бы он шел бы дальше меня в своих желаниях, — писав Володимир Іванович про батька. — Он мне в детстве дал другое впечатление о Мазепе, чем то, которое господствовало в русском обществе, он считал правым его, а не Петра. От него я узнал о Шевченке; он рассказывал мне, что Петербург построен на костях казаков. <...> Во время заграничной моей поездки 1873 или 1876 (1875 р.) отец мне не только рассказывал о славянах (Прага), но и о Львове и о Галиции, и о свободе там укр<аинской> лит<ератури>. <...> Он страшно любил укр<аинские> песни, и моя мать их прекрасно пела. Вечерами в Харькове в нашем большом доме Управляющего Конторой банка она устраивала хоры, раскрывались окна и лились хоровые украинские песни. В хорах участвовали многие чиновники банка, и у меня сохранилось детское воспоминание о переписываемых

украинских стихах (своих) милого и доброго, но не очень <одне вставлене над рядком слово нерозбірливо. — С.К.> далекого друга моего покойного брата и всей нашей семьи Петра Андреевича Чугаева. Он был тогда маленьким чиновником банка, прекрасно говорил по-украински — затем позже он вышел в отставку и воспитывал детей своего умершего брата — богатого человека <не виключаємо, що відомий харківський хірург Анатолій Андрійович Чугаєв (1862–1937 рр.) був племінником Петра Андрійовича. — С.К.>. Весь отдался им. Их я потерял очень давно из виду. Как сквозь сон помню в Харькове еще разговоры об украинских пьесах и украинских стихах. Но тогда никто серьезно не думал о реальной возможности возрождения — государственного и национального — о чем думал, как теперь видно, Костомаров и, несомненно, временами, Кулиш. Отец, несомненно, в 1860-х годах был в числе осторожно поддерживающих украинское движение в Петербурге. Но тогда он не обладал никакими средствами» [1, спр. 30, арк. 59, спр. 46, арк. 71–71 зв.; 4, с. 176–178].

Спогади знову і знову давали матеріал для письмової фіксації моментів життєвого шляху, хроніки життя своєї і сім'ї по роках.

В «хронології» щодо 1872 р. пам'ять виокремила образ батьківського товариша професора Д. І. Каченовського (запис 22. VI. 1941 р.): «Дмитрий Иван<ович> Каченовский, профессор междунар<одного> и госуд<арственного> права в Харьковском унив<ерситете>. Умер в 1872 г. (род. 1827). Я помню его очень ясно, вернее один момент из жизни почему-то запечатлелся в моей памяти. Отец относился к нему с большим уважением. Помню в большой комнате (спальня) в Харькове, разделенной на две части большой перегородкой из материи. Большая накрытая низкая тахта стояла в ней и я любил на ней лежать и читать. Отец с Каченовским ходили по большой комнате и говорили о гарибальдийцах и франко-немецкой войне, которой я интересовался — мы получали «Ниву», где были картинки. Вдруг отец меня позвал и сказал Каченовскому: «Мой отец думал, что я доживу до конституции, но я этого не думаю, но уверен, что Володя будет жить в свободной стране». Конечно, я могу говорить только о смысле разговора. М. б. он был в 1871 году. Мне кажется, у меня с отцом был после этого разговор 70 или 69 лет назад! <...> Как будто Каченовский тогда вернулся из заграницы» [1, спр. 30, арк. 84; частково опубл.: 10, с. 16].

Дні в евакуації дозволили Володимирі Івановичу глибше зануритися у матеріали для мемуарів «Пережите і передумане». У 1942 р. (записи січня-лютого у Боровому) в «хронології» за 1876 р. академік знову «повертається» до Харкова. При цьому його спогади тематично лоскутні як спалахи пам'яті, не завжди точні, тому надаємо фрагменти у перегрупованому вигляді, трохи змінюючи авторський порядок:

«Мы жили в казенном здании Конторы Государственного Банка в превосходной большой квартире, выделенной и непосредственно соединявшейся с конторой Госуд<арственного> Банка.

В это время, когда отец был назначен управляющим Конторы Госуд<арственного> Банка, — эта контора отличалась от других еще тем, что Полтавская ярмарка имела экономическое значение и на время ярмарки управляющий Харьковской конторы с частью — небольшой — чиновников переезжал в Полтаву. Это был важный подсобный заработок, ставивший эту контору в более выгодное материальное положение.

Мне кажется, в первый же год своего поступления отец открыл большую кражу и была прислана для разбора дела ревизия Иващенко, которого я встретил в важных чинах в 1906 и позднее в Госуд<арственном> Совете <возможно, идет речь про Миколу Ивановича Иващенко, чиновника канцелярії Державної думи. — С.К.>. Он часто бывал у нас во время ревизии, любил музыку, украинские песни, которые пела моя мать и любители чиновники и из наших знакомых.

Из нашей большой залы с паркетным полом, с балконом, выходившим на улицу, отделявшую огороженный небольшой сквер с невысокими деревцами и кустами. Против этого сквера и нашей квартиры находилась большая <церковь>, мне кажется недавней постройки. Когда мы жили в этом доме, она была кирпичная, не крашенная. Как-то проезжая через Харьков позже, мне кажется, она была оштукатурена и не отвечала моим детским воспоминаниям. Слева от площади, где находилась эта церковь (смотря на балкон), мне кажется улицы направлялись в город (на Конную площадь?) и дальше в гору по направлению к горе, где был построен Технологич<еский> Институт(?), а направо был спуск к мосту через Лопань <тут аберация пам'яті Вернадського: йдеться, очевидно, про р. Харків і дерев'яний тоді Харківський, а не Лопанський міст; Конна площа знаходилась у протилежному напрямку від річки. — С.К.> — тогда очень бедную водой — местами можно было переходить вброд и не доходя моста на набережной с несколькими деревьями и кустарниками фасадом (с забором?) находилась первая харьковская классическая гимназия, куда я поступил в 1-й класс в 1873 г. На большом дворе гимназии мы в перемену гуляли. Мне кажется, что главное здание гимназии выходило на набережную фасадом на улицу, гимназический двор отделялся деревянным забором. Через Лопанский мост мы входили в более аристократические улицы Харькова и это была та прогулка, которую я делал с отцом — разговоры с которым во время этих прогулок (иногда мы доходили до сада-пивной «Нов<ая> Бавария», кажется, где мы пили пиво, которое я не очень любил.

Рядом с усадьбой Конторы Госуд<арственного> Банка находилась большая усадьба губернаторского дома с большим садом — само здание было внутри двора — и на площади

был сквер, отделявшийся от сквера перед нашим домом узким сквером перед стеной губернаторского сада. Мне кажется, что я не бывал в губернаторском саду. При нас я помню только одного губернатора кн<язя> Д. Н. (?) Кропоткина, потом, кажется, убитого революционером, двоюродного брата анархиста и ученого <Дмитро Миколайович Кропоткін (1836–1879 рр.), харківський генерал-губернатор у 1870–1879 рр., був смертельно поранений народником Григорієм Гольденбергом 9 (21) лютого 1879 р. на розі Вознесенського провулку та Вознесенського скверу. — С.К.>.

Возвращаюсь к описанию нашего дома. К нам можно было приходиться и не через банк — но мне кажется, со двора.

Двор был большой и сарай отделял его от небольшого сада с большими деревьями — любимым местопребыванием моего и сестер.

Значительную часть сада занимали большие кегли, построенные для отца и брата. Сад заборами отделялся от других садов.

Возвращаюсь к описанию нашей квартиры. Она была многоэтажная. Я не помню, где находились комнаты и моя и сестер и брата. Кажется, внизу. Но помню кабинет отца в нижнем этаже. И помню время последней болезни, когда он сидел внизу, пораженный ударом... <посаду в Харкові І. В. Вернадський отримав, частково одужавші після інсульту, коли був змушений залишити викладання і публічну діяльність у Петербурзі. — С.К.>.

Переезд в Петербург <це сталося після виходу батька на пенсію. — С.К.> не прервал моего ученья, но совершенно исковеркал жизнь моих сестер. Они учились в Харькове в хорошей гимназии, начальница которой Юлия Петровна Медиш <(1877–1907 рр.). — С.К.> была большим другом моей матери. Маленькая полная женщина 60-х годов, очень уважаемая в городе и игравшая в обществе большую роль. С ее сыном Марком Николаевичем Медиш <(1877–1942 рр.), ботанік, фізіолог; його листування з Вернадським у: 7, с. 153–155; 8, с. 436–438. — С.К.> мы встретились и подружились в Симферополе, когда жили в Салгирской энотомол<огической> станции, где он работал. Он очень ухаживал и был дружен с Ниночкой <донька академіка Ніна Володимирівна Вернадська-Толль (1898–1986 рр.). — С.К.>. Это была ленивая талантливая натура — научно ничего не давший, но человек одаренный и с большими научными интересами. Он позже был в Белоруссии, а затем где-то на Кавказе. Кажется, опустился.

Сестры в Петербурге, избалованные матерью, не получили настоящего образования и это — я думаю — при их красоте и одаренности — исковеркало их жизнь.

Любопытно, что я не помню своих товарищей по Харьковской гимназии, но моя связь с семьей Тихоновичей продолжается до сих пор.

Директором гимназии был Поликарп Васил<ьевич>(?) Тихонович <(1813–1888 pp.), був директором з 1868 р. — С.К.> — красочная фигура классика до известной степени идейного, но очень себе на уме. Помню его огромную фигуру, кричащую, и нас — младшие классы — терроризировавшего. Его сын Владимир Поликарп<ович>. Был классным наставником нашего класса. Его внук Николай Николаевич был моим учеником в Москве и я с ним до сих пор поддерживаю дружеские отношения. Он привлечен к работе над составом биосферы и сейчас в связи с этим работает. В течение долгих лет я сталкивался таким путем с Тихоновичем <Микола Миколайович (1872–1952 pp.), геолог-нафтовик, мінералог; його листування з Вернадським у: 7, с. 381–386. — С.К.>.

Я очень мало помню из моих Харьковских гимназических товарищей. Ясно сознаю, что еще в бытность мою за границей в 1922–1926 pp., когда умер А. К. Медведев <Медведєв Анатолій Костянтинівич (1863–1921 pp.), лікар, фізіолог-хімік, однокласник Вернадського; див. з їхнього листування у: 7, с. 147–152; 9. — С.К.>, я помнил больше фамилий и больше конкретных впечатлений.

С Анатолием Констант<иновичем> Медведевым меня неразрывно связывали старые связи и думаю, что это был из гимназических товарищей Харьковского периода, который оставил культурный оригинальный след в русском образованном обществе.

Сейчас помню еще одну фамилию ясно – фамилию Зикеева, маленького харьковского мальчика, который был мне очень симпатичен. Еще недавно я помнил точно фамилию двух братьев, сыновей священника того прихода, к которому мы принадлежали, и которые со мной были раньше гимназии знакомы — Володя и Сереза — не помню сейчас, который был старше. Это Четвериковы. Думаю, что не ошибаюсь.

Я не уверен, что А. К. Медведев был в той же гимназии, что и я. Это было знакомство домами. Мой брат Коля был в другой гимназии. Кажется, он остался на второй год там.

<...> Я помню, что чиновник Бесядовский (кажется) часто приходил по делам Комитета к отцу, который, мне кажется, интересовался этим <Иван Иванович Бесядовський був секретарем Харківського губернського статистичного комітету, заступником голови якого був І. В. Вернадський. — С.К.>. Кн<язя> Д. Н. Кропоткина тоже помню. Помню его во время «бунта» около нашего и губернаторского дома верхом на лошади, когда Н. Оболонский, приятель отца, получил удар камнем в грудь <возможно, Вернадський помилився в ініціалі і йдеться про члена міської управи, земського діяча Олександра Олександровича Оболонського (1823–1877 pp.), або про Петра Андрійовича Оболенського, який 1872 р. був помічником секретаря Харківської контори Державного банку. — С.К.>. Врач осматривал его у нас. Несмотря на запрещение, я смотрел с дверей балкона и окон залы. Года, когда это было, я не помню. Кажется, я был уже гимназистом, т.о. не раньше

1873 г. <імовірно, йдеться про дводенні масові заворушення на Михайлівській площі (недалеко від Вознесенської площі), що почалися 17 (29) квітня 1872 р. — С.К.>. Кн<язь> Кропоткин был убит одним из революционеров. Это было в 1870-х годах, кажется. Двоюродный брат П. А. Кропоткина» [1, спр. 30, арк. 120–122 зв.]. Вернадський також записав у «хронології», що добре пам'ятає начальника поштової контори в Харкові Миколу Федоровича Бобровського <(?–1888 р.)> [1, спр. 30, арк. 129].

Зауважимо, що А. К. Медведєв у листах до Вернадського переказував вітання від однокласника Зікєєва та вчителя французької мови Адольфа Степановича Менжо, згадував однокласників Барабашова, Богомолова, Гриневицького, Кузнецова, Мухіна, Пейкера, Подкатова, Почаєвського, Четверикова.

Відомо також, що помічником настоятеля Вознесенського храму в роки перебування Вернадського у Харкові був священник Павло Петрович Четвериков. Його будинок, побудований у 1874–1875 рр., зберігся — тепер за адресою: майдан Фейєрбаха, 11.

Харківські мотиви знаходимо також у щоденнику в записі від 2 червня 1937 р., коли Вернадський, згадуючи про «етапи свого релігійного світоуявлення», зазначив: «Отец только, когда заметил из разговоров со мной несколько больший интерес к церковности (но не церковной службе), своими разговорами направлял мою мысль. От него я узнал — мальчиком — до переезда в Петербург (1876 р.) о существовании исторической критики «Евангелия». <...> Кажется, в Харькове, где была гимназ<ическая> церковь, я должен был быть — и раз или два был. Мать была неверующая (?) — во всяком случае, в церковь не ходила, постов не исполняла. Я не помню, чтобы она говела. Отец говел. Кажется, от чиновников (в Харьковск<ом> управ<ении> конторой Госуд<арственного> банка) это требовалось? До гимназии, мне кажется, нянюшка Александра Петровна — очень богомольная — меня водила (в церковь). В пост у нас не постились, кроме времени говения. <...> Детские впечатления у меня, однако, были сильные, и гимназия внесла мне в этом отношении новое. В числе моих товарищей были сыновья священника церкви около Конторы Банка в Харькове — старший был (одних лет) со мной, другой — моложе. <...> Хождение в церковь и интерес к «Еванг<елиям>», которые впервые я там узнал, и которые мне отец давал читать, возбудили мой интерес. Смерть брата Коли (1874 р.) тоже вызвала» [1, спр. 7, арк. 57 зв.–58; 5, с. 144–145].

Володимир Іванович не часто бував у Харкові за своє довге життя, хоча регулярно проїжджав місто на шляху (як і зворотньому) з Петербурга чи Москви до Полтави, де мешкали Старицькі — родина дружини Наталі Єгорівни. В листах до неї академік нерідко згадував, що відвідав у Харкові свого товариша ботаніка, ґрунтознавця, професора Андрія

Миколайовича Краснова (1862–1914/15 рр.). За листуванням Вернадського зі своїми кореспондентами можна знайти й інші згадки короткочасних його зупинок у Харкові.

«Я прожив в Харькове с 1868 до 1876. Бывал в нем и в 1910-х годах. — Был у А. Н. Краснова, был на могиле брата и она была в порядке. Когда был. Был и в 1918 <насправді, у вересні 1919 р. [3, с. 138–139]. — *С.К.* > — ночевал — и из него поехал в Ростов-на-Дону», — згадував В. І. Вернадський у червні 1940 р. [1, спр. 30, арк. 125 зв.]. Він міг і оселитися в Харкові — після захисту магістерської дисертації у Петербурзькому університеті розглядав можливість науково-викладацької роботи і професорської кар'єри у таких університетських містах як Київ чи Харків [1, спр. 32, арк. 33; 6, с. 181].

Сьогодні у Харкові є вулиця В. І. Вернадського, його ім'я носить Харківський державний професійно-педагогічний коледж, на одному з корпусів якого (Московський проспект, 24, будинок колишньої Першої чоловічої гімназії, де навчався Володимир Іванович) встановлено меморіальну дошку (оновлена у 2019 р.). Втім, і будинок дитинства на майдані Фейербаха, 10, як видається, може вповні вважатися меморіальним місцем видатного організатора науки, першого президента Української академії наук.

Список джерел:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 518: Вернадский Владимир Иванович. – Оп. 2.
2. *Вернадский В. И.* Письма Н. Е. Вернадской. 1886 – 1889 / В. И. Вернадский; сост. Н. В. Филиппова. – Москва: Наука, 1988. – 304 с.
3. *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920 / В. И. Вернадский; сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. – Киев: Наукова думка, 1994. – 268 с.
4. *Вернадский В. И.* Дневники: март 1921 – август 1925 / В. И. Вернадский; отв. ред.-сост. В. П. Волков. – Москва: Наука, 1998. – 214 с.
5. *Вернадский В. И.* Дневники: 1935–1941: в 2 кн. Кн. 1: 1935–1938 / В. И. Вернадский; отв. ред. В. П. Волков. – Москва: Наука, 2008. – 444 с.
6. *Вернадский В. И.* Дневники. 1944 г. // Вернадский В. И. Собрание сочинений: в 24 т. / В. И. Вернадский; под ред. акад. Э. М. Галимова. – Москва: Наука, 2013. – Т. 24. – 365 с.
7. В. І. Вернадський і Україна: з листування. Кн. 2: К–Я. Офіційне. Родинне / упоряд.: С. М. Кіржаєв, К. Є. Новохатський, Л. М. Яременко [та ін.]. – Київ, 2019. – 1040 с.
8. Володимир Іванович Вернадський і Україна. Т. 2: Листування з українськими вченими. Кн. 2: Листування. Д–Я, Ч. 1. Д–Н / Уклад.: О. С. Онищенко, В. Ю. Афіані, Л. А. Дубровіна [та ін.]. – Київ, 2012. – 742 с.

9. *Медведев А. К.* Письма В. И. Вернадскому / А. К. Медведев; публ. В. С. Чеснокова. // Бюл. комис. по разработке науч. наследия акад. В. И. Вернадского. – Москва, 2012. – Вып. 21. – С. 3–40.

10. Страницы автобиографии В. И. Вернадского / сост. Н. В. Филиппова. – Москва: Наука, 1981. – 349 с.